

КУЛЬТУРА АРГУМЕНТАЦИИ В ПОСТКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Алексеев Александр Петрович, доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: aleksandr.alekseev.57@list.ru

Ситуация «посткультуры» – результат интенсивной «обработки» сознания людей множеством конкурирующих сил и структур, преследующих разные цели и продвигающих трудно совместимые ценности. Рыночная идеология захватывает все новые сферы общества (включая науку), широкое распространение получают манипулятивные технологии. В преодолении «посткультуры» важную роль призвана сыграть культура аргументации, основанная на классических ценностях истины, справедливости, разумности. Аргументационные технологии представляют собой вид гуманитарных технологий, которые только не манипулятивны, но антиманипулятивны, что приобретает особое значение в условиях информационной войны.

Ключевые слова: культура, посткультура, аргументация, манипуляции, делегитимация науки, социальные технологии, гуманитарные технологии

CULTURE OF ARGUMENTATION IN POST-CULTURAL CONTEXT

Alekseev Aleksandr P., D.Sc. (Philosophy), Professor

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27 Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: aleksandr.alekseev.57@list.ru

The state of post-culture is an effect of intensive culturing of human mind by a lot of agents promoting diversity of values that are not compatible with each other. Ideology of marketplace has been extended to different sectors of society (including science), growth of manipulative technologies brings into a question future of intelligence. Development of culture of argumentation based on classical values of truth, justice and reasoning should contribute into negotiation of post-cultural situation. Argumentative technologies is of non-manipulative and anti-manipulative sort that is of great importance in the conditions of information war.

Keywords: culture, post-culture, argumentation, manipulation, de-legitimization of science, social technologies, humanities-based technologies

Культура аргументации – важная составляющая культуры общения и познания. Классические идеалы и нормы аргументации, восходящие к Аристотелю учению о диалектике и риторике, ставили во главу угла стремление человека приблизиться к истине и помочь в этом другому, честность и следование правилам логики, уважение к адресату и аудитории, умение представить мысли в форме, наиболее подходящей для восприятия слушателями или читателями. До сравнительно недавнего времени предполагалось, что находиться вне сферы действия этих норм допустимо лишь для людей «мало обработанного ума» [8, с. 11], условия жизни и воспитания которых не позволили усвоить соответствующую культуру. Однако на фоне популярных «трендов» так называемой эффективной коммуникации подобные регулятивы в лучшем случае вызывают удивление, а в худшем – воспринимаются как безнадежно устаревшие. И дело не в том, что ум современного человека «мало обработан» и в этом смысле человек «некультурен». Напротив, сознание современного человека является предметом интенсивной «обработки», осуществляемой множеством конкурирующих сил и структур, преследующих разные цели и продвигающих разные (подчас несовместимые!) ценности [2, с. 14]. Результатом действия столь разнородных сил становится ситуация, которая может быть охарактеризована как «посткультура». В эпоху посткультуры на статус главной ценности претендует эффективность, «освобождаемая» от служения ценностям истины, справедливости, любви, разума и, в конечном счете, жизни человека и человечества.

1. Эффективность и манипуляция

Когда словесные и прочие информационные воздействия оцениваются прежде всего с точки зрения их эффективности, определяемой достижением целей «действующей» стороны, рациональность реципиента, его способность оценивать достоверность получаемых сведений и аргументированность выводов, а также обосновывать собственные решения может рассматриваться как досадная помеха на пути к цели, которой стремится достичь «заказчик» и работаю-

пций на него «профессионал». «В идеале методы воздействия должны стремиться к тому, чтобы резко снизить рациональность решения потребителя, – пишет Г.Г. Почепцов. – Это делается либо путём подключения к эмоциональной сфере, которая слабо поддается опровержению со стороны сферы рациональной, либо сведением человека на автоматизм его реакций, когда рациональная сфера тоже как бы отключена, но уже по другой причине» [9, с. 128]. Сформулированный в «Риторике» М.В. Ломоносова критерий искренности говорящего – «ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен...» [7, с. 170] – может показаться неуместным в XXI веке, когда информационное воздействие (все чаще осуществляемое через технические каналы связи) планируется и выполняется группами «профессионалов», чьи взгляды и чувства считаются «личным делом», которое не должно мешать работе.

В контексте «аттенционализма» (от англ. “attention” – внимание), трактующего внимание как главную ценность современного общества и общества будущего, вопросы об истинности заявлений и правдивости заявляющих выглядят не только неуместными, но и неприличными. Показательны в этом отношении представленные в книге «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» [4, с. 65] рассуждения о возможности предотвратить русскую революцию 1917 года. «Совет», который дают авторы русскому императору спустя почти столетие после упоминаемых событий, состоит в том, чтобы «вдруг публично признаться в своем атеизме». Не будем оценивать степень информированности «консультантов» о предреволюционной ситуации в России. Подчеркнем лишь, что для них не имеет значения, был ли Николай II на самом деле верующим, – важно найти способ отвлечь общественное внимание от больших проблем российского общества, «переключив» его на сенсационное публичное заявление императора о своем якобы неверии в Бога. Данный пример демонстрирует установку, лежащую в основе технологий манипулирования общественным сознанием: эффективность выше всего, а эффектность – залог эффективности.

Широкое распространение манипулятивных воздействий – характерная черта эпохи посткультуры. Овладение манипулятивными приемами становится необходимой частью обучения методам управления, правилам деловой коммуникации, искусству влиять на людей и достигать успеха в жизни. Коммерческая реклама и политические технологии задают образцы «успешности» и псевдопрофессионализма, проникающие в самые разные сферы – в том числе те, где к работникам предъявляются повышенные моральные требования, несовместимые со следованием таким образцам. Здравоохранение и образование, приобретая статус «поставщиков услуг», вынуждены искать компромиссы между «ценностями рынка» и гуманистической сутью профессии врача и преподавателя. В технологиях манипуляции активно используются знания о человеке, получаемые психологической наукой для совсем иных целей. Становясь товаром на рынке, технологии психологического воздействия, созданные для помощи человеку, отрываются от задач и условий, для которых были предназначены, и превращаются в технологии манипулирования.

Манипуляция определяется как вид психологического воздействия, искусное исполнение которого скрытым образом позволяет побудить человека к действиям, не соответствующим его реальным потребностям и интересам. Манипуляции относятся к разряду негативных информационно-психологических воздействий, поскольку, распространяясь на индивидуальное, групповое и массовое сознание, побуждают индивидов и группы к действиям в ущерб собственным интересам, но в интересах субъектов манипуляции [2, с. 43]. Разрушительное воздействие манипуляций на личность адресата объясняется обострением внутренних колебаний, обусловленных конкуренцией мотивов на начальном этапе манипулятивного воздействия. Подобные колебания характерны и для начального этапа воспитательного воздействия, однако воспитательное воздействие, в отличие от манипулятивного, предполагает поддержку воспитуемого в его личностном росте, использование противоречия как дополнительного ресурса развития [5, с. 176]. Манипуляция же как таковая направлена на использование адресата как средства достижения целей манипулятора, а развитие личности в число таких целей не входит. Угрозы, которые несет манипулятивное воздействие индивидуальному или коллективному субъекту, связаны с разрушением психических структур индивида и социально-психологических основ общества. Высшая степень опасности грозит полной утратой субъектности, более низкие степени – сужением возможностей самореализации, серьезными «сбоями» механизмов самооценки.

2. «Делигитимация» науки

Нахождение способов защиты от манипуляций осознается сегодня как одна из важных задач психологии и других наук о человеке и обществе. Между тем, объектом управленческих манипуляций становится сама наука, а мощнейшим средством манипулирования – технологии

баз данных, создававшихся изначально для расширения возможностей научной коммуникации. Использование библиометрических показателей для оценки труда ученого создает иллюзию обладания точными средствами измерения продуктивности «сектора генерации знаний». Такое представление удобно для «эффективных менеджеров», не имеющих подготовки, необходимой для адекватного видения сложнейших объектов, управление которыми им доверено осуществлять. Между тем, исследователям прекрасно известно, сколь непроста бывает связь между показателями публикационной активности с одной стороны и научными открытиями, созданием новых теорий и концепций, выдвижением прорывных идей – с другой.

Не удивительно, что библиометрический редукционизм встречает сопротивление научного сообщества. В докладе «Статистики цитирования», подготовленном Международным математическим союзом, подвергается критике идея оценки исследовательской деятельности с помощью «простых и объективных» методов, основанных на данных цитирования. «Стремление к большей прозрачности и подотчетности в академическом мире, – пишут авторы доклада, – создало «культуру чисел», когда ученые и отдельные лица полагают, что справедливые решения могут достигаться путем алгоритмической оценки некоторых статистических данных; будучи не в состоянии измерить качество (что является конечной целью), лица, принимающие решения, заменяют качество числами, которые они измерить могут» [1, с. 8]. Авторы выражают тревогу по поводу все более отчетливо проявляющейся в национальных и ведомственных программах развития науки «мистической веры в волшебную силу» индексов цитирования и других библиометрических показателей. На деле же, подчеркивается в докладе, соответствующий инструментарий является слишком грубым для того, чтобы довольствоваться им в оценке столь важной сферы, как научные исследования.

Вместе с тем, библиометрический редукционизм уже оказывает заметное влияние на самосознание ученых. Еще недавно, когда у кого-то из коллег выходила статья или книга, мы обсуждали ее содержание, представленные в ней идеи. Сегодня же обсуждаем вопрос о том, как эта публикация повлияет на показатели в базах данных и будет ли расти индекс Хирша. И это – весьма тревожное изменение в самосознании сообщества. Следуя такой логике, мы скоро должны будем перестроить курс истории и философии науки, читаемый для аспирантов, таким образом, чтобы представить историю науки как собрание историй успеха людей, которые смогли достичь высоких индексов цитирования.

Библиометрический редукционизм стал средством формирования научной политики на основе трактуемых в духе «экономикс» принципов свободы выбора и конкуренции. С этих позиций государство рассматривается как владелец материальных и денежных ресурсов, использующий их по своему усмотрению, отдавая предпочтение тем научным организациям и ученым, которые предоставляют наиболее конкурентоспособные услуги и продукцию.

«Экономиксизм» и постмодернизм представляются совершенно разными типами мировоззрения, однако они прекрасно дополняют друг друга в стремлении «лишить науку её привилегированного положения в культуре». Постмодернистские устремления к «делегитимации» науки не в последнюю очередь связаны с распространением на эту сферу рыночного подхода. К примеру, Ж.-Ф.Лиотар утверждал, что система финансирования исследований, сложившаяся после второй мировой войны, помещает «языковую игру» науки под контроль другой «языковой игры», цель которой – не истина, но эффективность. «Учёных, технику и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность», – утверждал он [7, с. 112]. Когда этот автор связывал эффективность с производительностью, последняя еще не сводилась к библиометрическим показателям. Вместе с тем, вполне современно звучит заявление Лиотара о том, что природа знания не может оставаться неизменной, когда знание превращается в товар, имеющий производителей, поставщиков и потребителей, а стоимость становится ставкой в мировой борьбе за власть. Производство и использование знания всё больше становится вопросом технической компетентности и материальных ресурсов. В этих условиях «научные языковые игры» подчиняются правилам технических языковых игр, «чья обоснованность не в истине, не в справедливости, не в красоте и тому подобном, а в эффективности: технический приём «хорош», когда он делает лучше и/или когда он тратит меньше, чем другой». Кроме того, подобные игры становятся играми богатых, то есть тех, кто имеет необходимые ресурсы для производства знания. В итоге «самые богатые имеют больше всего шансов быть правыми».

Данная ситуация рассматривается как следствие осознания того обстоятельства, что дискурс, легитимирующий науку, сам скрывает донанучное знание. «Вопрос «Что стоит твой аргумент?», «Что стоит твоё доказательство?» настолько сросся с прагматикой научного знания, – пишет Лиотар, – что обеспечивает превращение получателя искомого аргумента или доказа-

тельства в отправителя нового аргумента или нового доказательства и, следовательно, к одновременному обновлению дискурсов и научных поколений. Наука развивается, и никто не может отрицать того, что она развивается вместе с разработкой этого вопроса. И сам этот вопрос, развиваясь, приводит к вопросу, а точнее к метавопросу о легитимности «Чего стоит твоё чего стоит?» [7, с. 131–132]. Наука, которая не может легитимировать ни себя, ни иные виды дискурса, опускается в разряд идеологии или средства власти, утверждает этот автор.

Постмодернистские заявления о «делегитимации» научного дискурса могут быть оценены как радикальные, крайние выводы, которые частично обосновываются изменением образа науки, происшедшим во второй половине XX в. Именно в этот период представления о науке как аполитичной, компетентной и прогрессивной силе сменяются представлениями о науке как тесно связанной с техникой, экономикой, но при этом находящейся вне контроля человека и даже ставящей под вопрос выживание человечества. Науку начинают рассматривать как одну (но не высшую) из систем знания, «осуществляемых» через социальные и технические переговоры, интерпретацию и признание.

Понижение социального статуса науки – важнейшей составляющей человеческой культуры в целом, дополняемое сведением смысла научной деятельности к достижению высоких библиометрических показателей, является одной из примечательных черт ситуации «посткультуры». Индикаторный и рейтинговый редукционизм в сфере науки и образования открывает новые возможности манипулирования общественным сознанием – манипулирования, ведущего, в конечном счете, к самоуничтожению общества.

3. Технологическая перспектива теории аргументации

В сложившихся условиях культура аргументации может рассматриваться как важная составляющая культуры безопасности, и прежде всего, безопасности информационно-психологической. Широко известные виды психологической защиты в применении к манипуляциям предполагают («уход») (дистанцирование, прерывание контактов, выход за пределы влияния манипулятора), «изгнание» (в том числе в форме осуждения действий манипулятора), «блокировку» (установление семантических барьеров), «управление» (воздействие на манипулятора с целью ослабить его активность, а то и полностью подчинить свое воле; этому служат попытки умиловить или подружиться, стать членами одной общности и т.д.); «замирание» (маскировка, минимизация подачи информации о себе или подача искаженной информации); «игнорирование» (умаление степени угрозы, объяснение действий манипулятора положительными намерениями). Эти общие установки конкретизируются и реализуются в специальных психотехниках, которые разрабатываются для защиты от манипуляций. Следует подчеркнуть, что любой из указанных видов защиты несет в себе определенные риски. Так, настойчивое стремление «уйти» из сферы влияния любого, кто может быть заподозрен в манипулировании, ведет к разрыву социальных связей, а упорное «игнорирование» отдаст человека во власть опасных иллюзий.

Что же касается аргументации в классическом понимании, то она предполагает «встречу умов», открытое взаимодействие и готовность подвергать себя риску, который состоит в возможности не только изменить свое мнение о тех или иных предметах, но и измениться самому, приняв или отвергнув те или иные мировоззренческие жизневоззренческие установки.

Синкретичное восприятие комбинированных информационных воздействий, широко используемых в манипулятивных целях, становится важным условием успеха манипуляции. Теория аргументации, апеллирующая к рациональности адресата, его способности анализировать и критически оценивать рассуждения самых разных видов (включая те, где речь идет о мотивах и чувствах [12, с. 17]), объективно способствует повышению порога манипулятивной уязвимости личности. Нормативные установки теории аргументации предполагают, что адресат аргументационного воздействия не только обладает свободой в оценке аргументации, но и осознает эту свободу. Предполагается также, что человек, воспринимающий информационное воздействие, способен определить, на какие уровни и компоненты его сознания оно направлено и является ли оно собственно аргументационным.

Защита от манипуляций становится и одной из важных функций теории аргументации и разрабатываемых на ее основе методик. Используемые в теории аргументации средства «неформальной логики», позволяющие анализировать рассуждения в естественном языке, помогают выявить логические дефекты манипулятивных воздействий, осуществляемых в речевой форме. Однако логическими дефектами изобилуют и рассуждения тех, кто не стремится манипулировать другими людьми. Ошибки, добросовестные заблуждения, «ловушки», обусловленные многозначностью слов естественного языка и невозможностью представить в явной форме все звенья умозаключений в реальных коммуникативных ситуациях, – все это является неизбежной составляющей процессов человеческого познания. Теорию аргументации принято ха-

рактировать как область междисциплинарных исследований, однако психологические знания, используемые в этой области, черпаются чаще из того, что принято называть здравым смыслом, чем из академической психологии.

Теорию аргументации иногда называют логической инженерией, хотя более правомерной была бы характеристика ее как инженерии философской. И то, и другое соответствует духу времени. Такие выражения, как «философская инженерия» и «философские технологии», как правило, весьма настороженно воспринимаются профессиональными философами. Вместе с тем, растет осознание потребности современного общества в социогуманитарных технологиях.

Гуманитарными технологиями называют те, что основаны на гуманитарных науках и (или) сфокусированы на человеке. Различие между технологиями социальными и гуманитарными иногда связывают с тем, что первые направлены на социальные общности, а вторые – на индивида. И все же провести четкую границу между социальными и гуманитарными технологиями невозможно. Например, технологии рекламы, апеллируя к индивиду, направлены на целевую группу и могут использоваться для достижения определенных социальных эффектов. Традиционно под технологией понималась совокупность методов, применяемых в процессе производства для получения готовой продукции. Эти методы включают обработку, изготовление, изменение свойств и формы сырья, материалов и полуфабрикатов. Таковы, например, технологии механической и термической обработки, сборки и т. д. «Обычные» технологии гарантируют получение ожидаемого продукта при использовании необходимых исходных материалов, средств, оборудования и выполнении необходимых операций с соблюдением соответствующих правил. Социогуманитарные технологии делают достижение ожидаемого результата лишь вероятным, поскольку сознание и поведение индивидов и групп в реальных условиях определяется множеством разнообразных факторов, далеко не все из которых могут быть учтены при разработке и применении технологий.

Б.Г. Юдин, отмечая, что в технологическом контексте вопросы истины и качества знания отходят на задний план, подчеркивает манипулятивный характер современных гуманитарных технологий [11, с. 60]. Действительно, именно манипулятивные технологии сегодня наиболее активно продвигаются и востребованы на рынке. Но таковы ли социогуманитарные технологии, с которыми могут быть связаны перспективы выживания и развития человека и человечества в XXI в.?

Аргументационные технологии относятся к разряду неманипулятивных – тех, которые могут стать основой формирования новой культуры или метакультуры, если таковой суждено прийти на смену «посткультуре». Антиманипуляционный потенциал теории аргументации во многом определяется теми ее базовыми установками, которые в середине прошлого столетия были заявлены в противопоставлении теории аргументации подходам, ориентированным на эффективное управление человеком. В эпоху поклонения эффективности определение Г. Джонстоном аргументации как «неэффективного управления» выглядит явно «идущим не в ногу со временем». По Джонстону, гуманный, в основе своей, характер аргументации как деятельности определяется тем, что субъект этой деятельности рассматривает адресата как свободную в данном контексте личность, признавая его интеллектуальное и моральное право отвергнуть аргументацию. «Аргументация есть всепроникающая черта человеческой жизни, – утверждал Джонстон. – Это не значит, что не бывает случаев, когда человек поддается гипнозу, подсознательной стимуляции, наркотикам, "промыванию мозгов" и физической силе, и что не бывает случаев, в которых он может управлять действиями и взглядами своих собратьев-людей средствами иными, чем аргументация. Однако только тот человек, которого можно назвать бесчеловечным, будет получать удовольствие от воздействия на поведение других людей лишь неаргументационными средствами, и только идиот будет охотно подчиняться ему. Мы даже не властвуем над людьми, когда мы только манипулируем ими. Мы можем властвовать над людьми, лишь рассматривая их как людей» [13, р. 1–2].

Проблемы культуры аргументации приобретают особую остроту в условиях информационной войны – прежде всего, войны информационно-психологической. Следует подчеркнуть, что информационно-техническая и информационно-психологическая разновидности информационной войны взаимосвязаны, однако каждая имеет собственную определенность. В ситуациях, когда речь идет о войне информационно-психологической, слово «война» употребляется в переносном смысле. Под войной здесь понимается борьба, нагнетание напряженности, враждебности в отношениях между странами и группами людей внутри стран. Информационная война может дополнять вооруженную составляющую конфликта, но может иметь место и при отсутствии последней. Характер информационной войны определяется стратегиями достижения информационного превосходства, комплексом мер воздействия на информационную сферу противника, защиты собственной информационной сферы, мобилизации технологических и

психологических ресурсов. В тех или иных формах информационное обеспечение решений, как и соответствующее психологическое «сопровождение» готовящихся и предпринимаемых боевых действий присутствовали во всех войнах, начиная с древности. Однако современные инфокоммуникационные технологии создают существенно новые условия, когда постоянно возрастают возможности действия самых разных видов субъектов в глобализированной информационной сфере. Разворачивающаяся на наших глазах глобальная информационная война актуализирует проблематику культурной безопасности [10, с. 171], наглядно демонстрирует и ситуацию «поскультурия», и потребность в создании новой культуры. Есть все основания полагать, что для решения соответствующих созидательных задач нужны гуманитарные технологии, основанные скорее на классических, преждевременно объявленных «устаревших» нормах и идеалах освоения человеком мира и взаимодействия людей, чем на псевдосовременных способах повышения эффективности манипуляций.

Список литературы

1. Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. Статистики цитирования. Доклад Международного математического союза в сотрудничестве с Международным советом промышленной и прикладной математики и Институтом математической статистики / Р. Адлер, Дж. Эвинг, П. Тейлор // *Игра в цифри, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике)*. – М., 2011. – С. 6–37
2. Аносов В.Д., Лепский В.Е., Войскунский А.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно–психологической безопасности / В.Д.Аносов, В.Е.Лепский, А.Е.Войскунский, А.А.Стрельцов // *Информационное общество*. 1997. – № 4–6. – С. 43–47.
3. Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей / Л. В.Баева. – Астрахань: Изд–во АГУ, 2008. – 218 с.
4. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А.Бард, Я. Зодерквист / Перевод с шведского языка. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт–Петербурге, 2004. — 252 с.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л.Доценко.— М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
6. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоого красноречия, то есть оратории и поэзии / М.В. Ломоносов // М.В.Ломоносов. Полн. Собр. Соч. Т. 7. – М.–Л., 1952. – с. 89–377.
7. Лиотар Ж.–Ф. Состояние постмодерна /Пер.с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
8. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – М.: Наука, 2002. – 36 с.
9. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. М.–Киев, М.: Рефл–бук; Киев: Ваклер, 1999. – 352 с.
10. Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. – М. РОССПЭН, 2013. – 215 с
11. Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // *Эпистемология и философия науки*. – 2012. – № 1. – С. 55–64.
12. Micheli R. Emotions as Objects of Argumentative Constructions // *Argumentation*. – 2010, Vol. 24, No 1. P. 1–17
13. Johnstone H. Some Reflections on Argumentation // *Philosophy, Rhetoric and Argumentation*. Pennsylvania: University Park, 1965. – P 1–9.

References

1. Adler R., Jeving Dzh., Tejlor P. Statistiki citirovaniya. Doklad Mezhdunarodnogo matematicheskogo sojuza v sotrudnichestve s Mezhdunarodnym sovetom promyshlennoj i prikladnoj matematiki i Institutom matematicheskoy statistiki [Statistics of Referencess. IMU Report]. *Igra v cyfir', ili kak teper' ocenivajut trud uchenogo (sbornik statej o bibliometrike)*. Moscow, 2011, pp. 6–37.
2. Anosov V.D., Lepskij V.E. Vojskunsij A.E., Strel'cov A.A. Problemy obespechenija informacionno–psihologicheskoy bezopasnosti [Problems of information security]. *Informacionnoe obshhestvo*. 1997. no 4–6, pp. 43–47.
3. Baeva L. V. Informacionnaja jepoha: metamorfozy klassicheskikh cennostej [Information epoch: metamorphosis of classic value]. *Astrahan': Izd–vo AGU*. 2008. 218 p.
4. Bard A., Zoderkvist Ja. Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma / Perevod s shvedskogo jazyka [Netocracy: new elite and life after capitalism]. SPb.: Stokgol'mskaja shkola jekonomiki v Sankt–Peterburge. 2004. 252 p.
5. Docenko E. L. Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita [Psychology of manipulation: phenomena, instruments and defense]. Moscow: CheRo, Izdatel'stvo MGU. 1997. 344 p.
6. Lomonosov M.V. Kраткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой соderzhitsja риторика, pokazujushhaja obshhie pravila oboego krasnorechija, то est' oratorii i poezzii [A handbook on oratory. Book number one – general rules]. M.V.Lomonosov. Poln. Sobr. Soch. T. 7. Moscow–Leningrad. 1952, pp. 89–377.
7. Liotar Zh.–F. Sostojanie postmoderna [State of postmodern]. Per.s fr. N.A. Shmatko. Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii, Spb.: Aletejja. 1998. 160 p.
8. Povarnin S.I. Spor. O teorii i praktike spora [Debate. Theory and practice]. Moscow: Nauka. 2002. 36 p.

9. Pochepcov G.G. Kommunikativnye tehnologii XX veka [Communicative technologies in XX century]. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler, 1999. 352 p.
10. Romanova A.P., Hlyshheva E.V., Jakushenkov S.N., Topchiev M.S. Chuzhoj i kul'turnaja bezopasnost' [Alien and cultural security]. Moscow: ROSSPJeN, 2013. 215 p.
11. Judin B.G. Social'nye tehnologii, ih proizvodstvo i potreblenie [Social technologies. Production and application] // Jepistemologija i filosofija nauki. 2012. no 1, pp. 55–64.
12. Micheli R. Emotions as Objects of Argumentative Constructions. Argumentation. 2010, Vol. 24, No 1, p. 1–17
13. Johnstone H. Some Reflections on Argumentation // Philosophy, Rhetoric and Argumentation. Pennsylvania: University Park. 1965, p. 1–9.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА¹

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: badmav07@yandex.ru

Объективные процессы глобализации ведет к росту взаимозависимости между народами и повышению уровня взаимодействия между культурами и цивилизациями. Перемены на мировой арене вернули в активный оборот классические категории международных отношений, среди которых особое место занимает концепция евразийства. Необходимость переосмысления идей евразийства актуализируется поисками новых векторов развития современного изменяющегося мира, опирающихся на мультивидении глобального мира и мультиидентичности современного человека.

Ключевые слова: евразийство, глобализация, Запад, Восток, Россия, культурная идентичность, диалог, российская культура

EURASIAN IDEA AND CHALLENGES GLOBALIZING WORLD

Badmaev Valeriy N., D.Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, 358000, Russian Federation
E-mail: badmav07@yandex.ru

The objective processes of globalization leads to increased interdependence among nations and improve the interaction between cultures and civilizations. Changes in the global arena returned to active turnover classic categories of international relations among which a special place is occupied by the concept of Eurasianism. The need to rethink the ideas of Eurasianism updated look for new vectors of development of modern changing world, based Multivision to global peace and multiidentity of the modern man.

Keywords: Eurasianism, globalization, West, East, Russia, cultural identity, dialogue, Russian culture

Достижения современной цивилизации в области человеческого развития (экономика, технологии, образование, наука и т.д.) сопровождаются и новыми глобальными вызовами человечеству, связанными с повышением уязвимости индивида и окружающего его мира, в котором он живет. В этом плане можно согласиться с авторами Доклада о человеческом развитии – 2014 «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости», что учет прогресса в человеческом развитии является неполным без анализа и оценки уязвимости [4].

Действительно, глобализация способствует интеграции государств и создает новые возможности для их развития. Но вместе с тем, глобальные процессы также повышают трансграничные риски ускоренного распространения неблагоприятных явлений (финансово-экономические кризисы, терроризм, эпидемии и т.д.). Современная практика международных отношений показывает колоссальный разрыв в уровнях и масштабах решений самых различных вопросов глобального развития, от продовольственной безопасности до доступа к энергоносителям, от финансового регулирования до изменения климата [3, с. 69–70]. Эти трансгра-

¹ Статья подготовлена по гранту РГНФ № 13–23–03002 а (м) «Культурная самобытность монголоязычных народов».